

Татьяна Абалова

СУЖЕНЫЙ- РЯЖЕНЫЙ

ЛитРес:

Сказка на новый лад

Татьяна Абалова

Суженый-ряженный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68617569

SelfPub; 2022

Аннотация

Приглядитесь к своим соседям. Вроде бы ничего необычного: они, как и многие из нас, встречают Новый год и Рождество, смотрят телевизор и пользуются мобильными телефонами, носят джинсы и кроссовки, учатся и работают, навещают родственников в деревне и ездят за границу. Но доведись вам услышать, о чем они говорят между собой, вы бы крайне удивились или хуже того – напугались. Потомственные ведьмы и притворяющиеся людьми маги живут не где-то там в сказке, а на одной лестничной клетке с вами. Но наша история не о коварстве и зле. Она о человеческих отношениях и любви, свойственных даже нечисти.

Татьяна Абалова

Суженый-ряженный

– Нет, бабушка, и не уговаривай.

– Вот ведь вредная какая, – ведьма стояла у котелка, под которым весело прыгало рыжее пламя, и энергично помешивала деревянной ложкой колдовское варево. – И чего тебе в лесу не живется? Свобода, красота, свежий воздух опять-таки.

Румяное лицо совсем не старой женщины подтверждало слова, что лес дарит здоровье. Но вот свободу?

– Ну ба, сколько уже говорено–переговорено.

– Эх, девка, не понимаешь ты, – бабушка постучала ложкой о край котелка, стряхивая налипшую зеленоватую жижу. – В городе тебе жениха не сыскать. Нам, нечисти, за людей замуж выходить нельзя.

– Почему это?

– Я сама как–то попробовала. Зачах мой суженый–ряженный. И года не прошло. Хотим мы того или не хотим, но силу из живого человека тянем. И чем сильнее человек влюбится, тем быстрее на погост отправится.

– Выходит, смертью сила любви измеряется?

– Выходит так. Ну–ка, помоги мне, склянку ближе подвинь.

На выскобленной добела столешнице поблескивали чи-

стыми боками несколько разномастных бутылок. Я растерянно замерла, не зная какую из них взять.

– Ту, что с широким горлом, – подсказала бабушка, в стеганых рукавицах поднося к столу снятый с огня котелок. Вариво густым потоком устремилось вниз, до краев заполняя бутылку.

– Что это?

– Совсем забыла, как пахнет отворотное зелье?

– Так это «Выпил–очнулся»? Работу конкурентки исправляешь?

Бабушка поставила пустой котелок в мойку и налила в него кипятка. Ополоснув руки, вытерла их вафельным полотенцем с яркими петухами по кайме.

– Разве ж я допущу кого близко в свои владения? Сама обмишурилась. Неделию назад из Медведково молодуха прибежала, приворотное зелье заказала. А вчера зареванная Стрижиха пришла, говорит, муж на свою секретаршу заглядывается.

– Ой, ба, как же ты так? Семья у председателя вроде крепкая была...

– Говорю же, обмишурилась. Не выпросила, кого подлюка приворожить хочет.

Заткнув зев пузатой бутылки пробкой, бабушка навесила на нее бумажку, где каллиграфическим почерком было выведено «Стрижи». На полке, куда бабушка поставила склянку, ждали своего часа и другие, и на каждой торчал ярлык с

фамилией заказчицы.

– Я смотрю, Тишкины опять ребеночка хотят?

Бабушка быстро задернула цветастую занавеску.

– Нечего подглядывать. Вот вернешься, все тайны твои будут.

– Не вернусь. Мне в городе нравится.

– Ох, смотри, влюбишься в человека, потом локти на могиле кусать будешь. А свой – он всегда рядом.

– Бабуля, – застонала я. – Опять ты старую песню затянула? Мне никто из наших не нравится.

– Чем тебе лесовик плох? Ростом под два метра, силища в руках немереная – столетнюю сосну будто спичку ломает, и собою парень хоть куда.

– Смерти моей хочешь? Он «нет» не понимает. Летом как отказала ему, так три дня по лесу плутала – любая стежка–дорожка к его терему приводила, насилиу вырвалась. А если бы такой же холод как сейчас стоял? Весной только обнаружили бы меня где–нибудь под елкой.

– Ах, я ему! – бабушка погрозилась кулаком, и за моей спиной, за окном кто–то смущенно кашлянул и заскрипел снегом. – Почему раньше не рассказала? Я бы лиходею давно мозги вправила.

– Ага. А заодно домовому из Скрябушек, водяному из Сирень–озера, шишку из Дубовой рощи...

– Погоди–погоди, ты так сейчас всех наших холостяков перечислишь.

– То–то и оно. Каждый из них пытался меня к себе заманить. Спрятать, запереть, насильно замуж взять.

– Василиса, так ты потому в город сбежала?

Я кивнула и опустила глаза. Зачем бабушке знать, что бегство от навязчивых женихов не главная причина? С недавних пор мое сердце замирало от любви. Но стыдно признаться, видела я своего суженого–ряженого лишь во сне. И сны эти не имели четкости, будто смотрела я их через запыленное стекло. Ни лица разглядеть, ни фигуры. Одни впечатления. Любовное томление, легкие прикосновения, ощущение счастья. Просыпаясь утром, я пыталась вспомнить детали, но они безвозвратно уплывали, оставляя лишь убеждение, что виделись мы вовсе не в лесу. Машины, высокие здания, огни рекламы. И что еще более странно, тянуло меня в город с необъяснимой силой, словно кто–то неведомый привязал к себе, и стоило отъехать чуть дальше, узлы больно врезались в тело, заставляя вернуться.

– Вот иногда я думаю, лучше бы ты простушкой уродилась. Нашла бы себе мужа без выверта, ребеночка подарила бы ему, ворожила бы помаленьку.

Бабушка сняла с головы платок, и я загляделась на нее: гладко расчесанные волосы без единого намека на седину скручены на затылке в тугой узел, серьги с белыми жемчугами оттеняют гладкую кожу, глаза с едва заметными лучиками морщин светятся любовью и затаенным беспокойством. Она совсем не изменилась с тех пор, как родители семна-

дцать лет назад отправили меня к ней.

– Варварушка! – в дверь постучали. – Ты дома?

– Заходи, милая.

Дверь открылась, впуская клубы морозного воздуха. Стрижиха, а это была она, потопала в сенях ногами, сбивая с валенок снег, стянула с головы пуховый платок и, распахнув добротную шубу, ввалилась в комнату. Объемная грудь, широкие бедра и немаленький рост, делали ее очень уж большой, но лицо с живыми глазами, курносый носом и россыпью золотых веснушек было таким милым, что все люди, даже знающие Анюту давно, любовались ею. Вот и я стояла, глупо улыбаясь в ответ на радушную улыбку ее по-детски пухлых губ, приоткрывших ровный ряд зубов с щербинкой посередине. Как такую душку можно променять на секретаршу, будь она хоть писаной красавицей? Видно у бабушки привороты отменного качества.

– Ой, Вася приехала! – Анюта обняла меня так крепко, что я чуть не задохнулась, уткнувшись носом в пахнущую сдобой кофту. Печь в доме Стрижихи, наверное, никогда не остывала. Ее ватрушки и кулебяки любили все. Вот и сейчас она принесла вкуснятину в качестве оплаты. Распаковав тщательно укутанную корзинку, я вытащила теплый кусок пирога с зайчатинной и принялась уминать, пока женщины о чем-то шептались.

– Сегодня не пришел ночевать. Утром плакал, говорил – черт попутал, просил прощения.

– А ты прости, – щеки у бабушки загорелись от досады на саму себя, но Анята, ничего не подозревая, продолжала делиться.

– А вдруг из дома совсем уйдет?

– Даже в голову не бери. Вот хлебнет чай с моим «лекарством», вмиг в себя придет. С вареньем пахучим смешай, лучше с малиновым.

Бабушка сунула в руки Аняте бутылку, а сама долгим взглядом посмотрела на меня. Я вздохнула. Не люблю я этого делать, но Стрижиху было жалко, да и бабулину оплошность следовало исправить.

– Давайте попрощаемся, тетя Нюра. Я в город надолго, может весной только увидимся, – я потянулась к ней и поцеловала в мягкую щеку.

Стрижиха, обняв меня, счастливо засмеялась.

– До чего же ты, Василиса, хорошая девушка. С тобой рядом легко и все проблемы кажутся пустяшными.

Я едва дождалась ее ухода.

А после стояла, наклонившись над ведром, жалея, что наелась пирога, иначе меня не рвало бы так долго и так мучительно. Забирать людскую боль противоестественно для ведьмовской природы. Но зато Анята легко простит измену мужа, а вскоре и вовсе перестанет мучиться. Ни ревности, ни упреков. Эти двое не виноваты. Зря бабушка продала приворот, не выведая, что его хотят применить к женатому. Не знаю, как другие, но мы, Себяжские ведьмы, блюдем кодекс

чести.

– Давай я расчешу тебя, – бабушка подошла ко мне с гребнем.

После колдовского отката банька – самое то. Легкая телом, вкусно пахнувшая летними травами, сидела я на табуретке, укрывшись лишь простыней, а ласковые руки заплетали длинную косу, которую я растила с самого детства.

– До сих пор простить не могу, что твоя мама постриглась. Сама себя уничтожила. Сил колдовских, что с детства копятя, разом лишилась.

Бабушка впервые заговорила со мной о маме. Прежде тема родителей была под запретом. Я знала лишь, что расстались они.

– Ба, а почему она решилась косу отрезать?

– Глупость несусветная. О тебе совсем не думала. Как ребенка научить колдовству, если сама им не владеешь? Нашу премудрость на пальцах не объяснишь.

– Потому она меня к тебе отправила?

– Я сама забрала. И запретила к тебе приближаться. Чтобы глупостью не заразить.

– И я никогда ее не увижу?

– Вот когда войдешь в ведьмовской возраст, это по людскому измерению двадцать годочков, сама решишь. До тех пор ни–ни.

Когда я оказалась в Себяжском лесу, мне было всего три года. Я совсем не помнила маму. Лишь какой–то расплывча-

тый образ светловолосой женщины в красном платье – рукав фонарик, летящая юбка солнце–клеш. И все.

– Я похожа на нее?

– И да и нет. У тебя волосы светлые, а у нее словно в пшеничное зерно добавили гречихи, и глаза у нее карие, а у тебя как небо в хмурый день. Да и росточком ты повыше будешь, смотри, уже меня на голову переросла.

– Она красивая?

Бабушка вздохнула.

– Эта красота и сгубила. И за тебя я переживаю. Когда ты в городе, места себе не нахожу. Если уж наши лесные охладомоны это такое сумасбродство учудили, городские, наверное, вовсе прохода не дают?

– Ба, не переживай. Я в городе морок на себя накидываю. Мне здешних уроков хватило.

– Ну–ка, покажись.

Я закрыла лицо ладонями, потом медленно опустила их вниз, перекрещивая руки, прошлась по плечам, оглаживая себя до самых кистей, и напоследок крепко сцепила пальцы в замок.

– Молодец, хорошо придумала, – бабушка придиричливо оглядела коротко стриженные темные волосы, нос картошкой, тонкие губы, ставшую плоской грудь. – Жаль, что морок только на людей действует. Кабы наши твою истинную красоту под ним не видели, глядишь, в лесу осталась бы.

Я только улыбнулась в ответ.

– Пора мне, бабушка. Теперь недели через две приеду.

– Как? На Рождество не явишься покуролесить? По деревням прошлись бы, как бывало, поколядовали.

– Нет, сессия на носу. Надо позаниматься, – прокряхтела я, заправляя джинсы в высокие сапоги. Снега в лесу полно, того и гляди провалишься в сугроб.

– Сессия! Далась тебе эта учеба. Кем бы ты ни стала, все равно в лесу окажешься. Здесь твое место, – бабушка подняла воротник моего полушубка и, как в детстве, крепко подвязала шарфом.

– Зато буду травки–муравки со знанием дела собирать, – я обняла ее на прощание.

Город встретил слякотью подтаявшего снега, шумом сплошного транспортного потока, перемигиванием светофоров. Как только автобус пересек городскую черту, болезненный узел, что скручивал мое нутро, тут же ослаб.

– Я дома, дома, – прошептала я, успокаивая того, кто привязал меня к себе невидимыми нитями. Будто слыша меня, он их совсем отпустил, и на душе сделалось так хорошо, что я заулыбалась.

На крыльях летела на свой этаж, испытывая необъяснимое счастье. Если бы не боялась напугать соседей, я бы даже запела. Ничего не видя, ничего не слыша, кроме стука собственного сердца, я со всего маха врезалась в идущего мне навстречу человека и повалилась вместе с ним на лестничную площадку.

– Ого, – произнес лежащий подо мной мужчина. – Хорошо, что это вы, а не вредная старушка из сорок седьмой квартиры.

«Вредная старушка» – это ласковый эпитет к бомбообразной старухе весьма сварливого нрава, которая могла огреть клюкой за незначительный проступок.

Обладателя приятного баритона я смогла разглядеть, лишь стащив съехавшую на нос вязаную шапочку: смеющийся взгляд, взерошенные темно–русые волосы, растянутые в улыбке губы. То ли во мне еще кипело ощущение счастья, то ли я все–таки, падая, ударилась головой, но я потянулась к этим губам.

– О, поцелуй? – произнес мягкий баритон, от звука которого у меня еще больше поехала крыша. – Может, позже я буду жалеть, что остановил вас, милая барышня, но еще больше меня страшит, что, придя в себя, жалеть будете вы.

Все. Наваждение спало. Я как суматошная баба соскочила с парня.

– Я. Нет. Никогда. Ой. Не я.

Что я несла? У моих ног лежало совершенство. А я стояла, пялилась на него во все глаза и не могла произнести ни единого внятного слова. Огонь стыда и смущения медленно плавил мое лицо. Переступив через руку с красивыми длинными пальцами, побежала наверх.

– Барышня, вы обронили шапочку, – неслоь следом, но я не могла прекратить стремительный бег.

– Меня Костя зовут! Я из пятидесятой. Будем знакомы! – эти слова и последующий смех я услышала, уже закрыв двери своей квартиры на все замки. Только навесив цепочку, я успокоилась. Медленно сползла на пол.

Что это было? Я чуть не поцеловала незнакомца! Человека! Я застонала от стыда и от осознания, что своим сумасбродным поступком, не задумываясь, могла нанести вред. Пусть бы мужчина его не почувствовал, от одного поцелуя ведьмы смерть не наступит, но зачем мучить себя, зная, что история не будет иметь продолжения? Мне нельзя любить человека!

А образ Кости продолжал ворошить память. Я и не знала, что запомнила ямочку на его подбородке, правильную линию носа, разлет густых бровей. И глаза. Светло-карие? Зеленые? Серые? Красивые, в обрамлении густых ресниц, с паутинками морщин, появившихся в уголках, когда он рассмеялся.

Ночью сосед вытеснил из моего привычного сна неясный образ любимого. Но если с тем мы целовались, обнимались и умирали от томления, то Константин был сдержан, находился на расстоянии вытянутой руки и твердил одно: «Жалеть будете вы, милая барышня». Откуда взялось это «милая барышня»? Только библиотекарь из Пустошки, которому сто лет в обед, обращался так к каждой посетительнице младше его хотя бы на год.

Я мучилась ожиданием, при малейшем шуме на цыпоч-

ках подкрадывалась к двери и, сглатывая комок, припадала к глазку. Я живу в пятьдесят второй квартире, а Константин сказал, что он из пятидесятой. Значит, напротив.

В поле моего зрения попадали близнецы с этажа выше, женщина с ротвейлером из пятьдесят первой, сантехник, кабельщик. Но не Костя. Не выдержав и улучив момент, когда лестничная площадка оказалась пуста, я подошла к его двери, приложила ухо и прислушалась. В квартире было тихо. Проведя ладонью по замку, я навесила сторожевую паутину. Стоит сунуть ключ, и оборванная нить запоет, как тронутая гитарная струна. Правда, музыку услышу лишь я.

Прошло два, три, четыре дня, но струна не пела. Если после встречи с Костей я пребывала в состоянии эйфории, внезапной влюбленности, страха встречи с ним, боязни сделать что-то не то, то теперь я просто сгорала от нетерпения. Даже во сне я кричала в ответ на его «жалеть будете вы», что я готова попробовать, но, натываясь на его укоризненный взгляд, вдруг вспоминала, что он человек. Нельзя. Нельзя любить, нельзя целовать. Я старалась забить беспокойство болтовней с однокурсницами, походом в кино, обсуждением новогодних платьев, но все усилия оказались напрасными. Я с педантичностью пограничника проверяла расставленные колдовские ловушки, и огорчалась, обнаружив их нетронутыми. Где же ты пропадаешь, сосед? И только волнительные свидания во сне немного скрашивали реальное ожидание встречи.

На пятый день моей маеты звонок в дверь заставил подпрыгнуть от неожиданности. За порогом стоял он. Только сейчас я смогла оценить его рост, лежа мы все кажемся одинаковыми. Задрала голову и открыв рот, я слушала его так, словно передо мной пел серенаду хор ангелов. И лишь почувствовав шерсть вязаной шапочки в руках, я очнулась.

– Я только сегодня выяснил, из какой вы квартиры.

Ну да.

– Я уже решил было ходить по этажам и примерять шапочку на всех женщин. Вдруг вы тоже из Золушек?

Фу, глупая. Повелась. Он флиртует, а я верю, что он пять дней гадал, из какой я квартиры. Хорошо, что не надо открывать рот. Кроме «э–э–э» я бы сейчас из себя ничего не выдавила. Какой все–таки он обалденный. Смотрела бы и смотрела. Например, на его губы. Ой, нет. Лучше не смотреть. Вдруг на поцелуй снова потянет? Перевела взгляд на глаза и опять перестала понимать, что говорит сосед. Вернулась к губам. Облизала свои. Но хоть услышала вопрос:

– Так вы поможете?

Черт. О чем он?

– Э–э–э, – все–таки вырвалось мое коронное.

– Из вас получилась бы чудесная Снегурочка. Моя напарница одного с вами роста, костюм должен подойти, разве что пуговицы придется перешить. Фигура у Елены немного другая.

Я посмотрела на свои ноги. Да, с мороком явно перебор-

шила. Короткие ноги, широкие бедра, плоская грудь. Пошевелила пальцами в вязаных носках. Деревня.

– Ну так как? Выручите? Больше мне обратиться не к кому. Все наши уже разбились на пары.

– А что с Еленой?

Сравнение было явно не в мою пользу, поэтому напарница Константина сильно заинтересовала. Вон и голос даже прорезался.

– Я же говорю, ногу сломала. А у нас расписание утренников.

– Так вы из театрального?

Во взгляде Кости мелькнуло сомнение, не связался ли он с имбицилкой. Видимо эту часть объяснения я прослушала, глядя в его глаза, а не на губы. Словно боясь передумать, он торопливо сказал:

– И слова учить не надо. Вы только будете улыбаться. Вот как сейчас. Я сам все сделаю.

Мне стало обидно. Единственный раз, когда мне кто-то так сильно понравился, что я провела в любовном бреде пять дней, и то умудрилась выглядеть душой. Сейчас сосед развернется и уйдет вербовать на роль Снегурочки старуху из сорок седьмой. Та хоть громко говорит.

– Где костюм? И дайте почитать, что там Снегурка должна произносить.

– И петь. Здесь запись утренника.

В раскрытую ладонь легла флэшка, а у ног появилась мяг-

кая сумка.

– Я не буду мешать. Зайду через час. Будьте готовы.

– Как через час?

– Я же сказал, дело срочное. И никого на примете, кроме вас, нет.

– Меня зовут Василиса, – спохватилась я, но вспомнив про нос картошкой, узкие губы и короткие ноги, быстро добавила:

– Можно на «ты» и Вася.

– Через час, Василиса, – Костя посмотрел на меня долгим взглядом, и, повернувшись к своей двери, вытащил из кармана ключи. Сигнальная паутина оборвалась не гитарной струной, а пожарной сиреной. Сосед тоже вздрогнул. Совпадение?

Пригляделась внимательнее. Никакого морока. Человек. Хоть и выглядит как бог.

На коротком видео Снегурка–Елена порхала бабочкой, пела соловьем, говорила, будто реченька журчит. Мой же голос под мороком скорее каркал. Да и черные, как смоль, волосы делали меня похожей на ту самую птицу.

Я достала из сумки серебристое платье, голубую шубку, обшитую искусственным мехом и треугольную корону, лентами привязанную к белобрысому парикю. Белые сапожки и близко не полезли на мои ноги, даже когда я сняла бабушкины носки. Платье сильно обтянуло бедра, перерезав их глубокими поперечными складками, а на груди повис мешок.

Хм, у Елены—то размер не меньше третьего. Шубка села не лучше. Пуговицы не застегнутся, даже если их перешить на самый край. Смотрела я на себя в зеркало и видела огородное пугало. Из—под парика сапожной щеткой торчали черные волосы, пригладить которые мне так и не удалось. А времени оставалось всего—то двадцать минут.

Слова песни и прочие шутки—прибаутки я запомнила с помощью заклинания, осталось дело за малым — выглядеть как настоящая Снегурочка. Но что я могла в себе изменить, не вызвав подозрения? Разве что родные волосы вернуть? Сцепила пальцы в замок, медленно разъединила, провела скрещенными руками от запястий до плеч, от шеи до самой маковки. Тряхнула головой, неосторожно хлестнув по попе собственной косой. Так—то лучше. Зашвырнула парик подальше. Припудрила картофелеобразный нос, нарисовала розовым карандашом губы. Завязала под подбородком ленты от короны и всмотрелась в свое отражение. Н—да. Показала самой себе язык. Может, румяна помогут?

Не помогли. Стала похожа на Марфушеньку—душеньку. Умылась и опять напудрилась. Глянув на часы, быстро провела ладонями по бедрам, совсем на капелюшечку сделав их уже. Вдруг придется к детишкам наклоняться, а платье возьмет и треснет по швам?

Пока я красилась и ворожила, времени на перешивание пуговиц не осталось. Достав серебристый кушак из своего гардероба, перетянула им талию и, топнув ногой в собствен-

ных, а не в сношенных ленкиных сапогах, произнесла с вызовом в голосе «Ох, и хороша же я!». Совсем как Оксана из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» повела бровями, улыбнулась. И вздрогнула от звонка в дверь. Сердце попыталось вырваться из груди, но снегуркино платье не разрешило.

Я открыла дверь и остолбенела. На меня из-под кустистых бровей смотрел самый настоящий Дед Мороз. Вот я балда! Если я Снегурочка, то с какой стати ожидала увидеть Костю в прежнем виде?

– Готова? – только и спросил он, не обратив никакого внимания на мою «царственную красоту».

Я кивнула и, подхватив прилагаемую к наряду торбу, полетела следом за спешащим вниз дедом в синей шубе и огромных валенках.

– А где твой мешок?

– В машине, – коротко бросил он, не оглядываясь. Посох мерно стучал по ступеням.

Стоило нам выйти на улицу, как гуляющая с бабками и няньками малышня окружила нас восторженной толпой и не отставала до самой стоянки, несмотря на визгливые требования взрослых. Радости не было конца, когда Дед Мороз, подняв багажную дверь серебристого джипа, вытащил небольшой мешочек и одарил каждого ребенка петушком на палочке.

– Всегда держу запас в машине, – пояснил он, открывая передо мной переднюю пассажирскую дверь. – Чтобы соот-

ветствовать образу.

Посох присоединился к объемному мешку, лежащему на заднем сидении.

– Мы куда?

– Сначала в частный сад на Заречной, потом в детский дом, – взгляд Деда Мороза был серьезным, и я, наконец, разглядела цвет глаз – холодная сталь.

В животе от волнения летали бабочки.

Впрочем, бабочки – это скорее людской шаблон. На самом деле я чувствовала, что там ползают змеи. Вот одна укусила за сердце, в обиде, что Костя и бровью не повел, когда увидел меня в новом образе, другая тут же укусила за печень, напомним о Елене–гипсовой ноге, о ее нежных взглядах в сторону Деда Мороза во время исполнения арии Снегурочки.

– Ты первая входи, – Костя подтолкнул меня к двери в актовый зал с огромной богато украшенной елкой. – Поздоровайся с детьми и сразу зови меня. Поняла?

Я сглотнула, неуверенно кивнув головой. Костя оказался более решительным – пихнул меня вперед, и я влетела в комнату с замершими от восторга детьми.

Все оказалось не так уж и страшно. Быстро освоившись, я исполнила весь полагающийся репертуар, ничуть не уступая в способностях Елене–толстозадой. А что? Разве не правда? И голос у меня лучше.

Когда снежинки, мишки и зайчики грянули «Дедушка Мороз!» в десятый раз, мне пришлось подойти к двери, у

которой замер Костя, и уже самой подпихнуть его, иначе его «О–хо–хо!» дети бы так и не услышали. Заглянув в его удивленные глаза, я и сама оторопела – они поменяли цвет. Стали светло–зелеными. Как молодые побеги у ели.

– Ты чего? – спросила я, садясь в машину. – Мальчика назвал девочкой, спел не ту песню. Разве в сценарии была не «В лесу родилась елочка»?

Костя опустил глаза, которые опять стали холодно–ледяными, завозился с рукавицами, не зная, куда их сунуть.

Так и не дождавшись ответа, я уставилась на хлопья снега, которые тихо падали на лобовое стекло и неумолимо сминались движущимися дворниками. Мне было хорошо рядом с молчащим Костей. Тепло и уютно.

– Где мы? – очнулась я от умиротворяющей тишины, нарушаемой лишь шумом двигателя и стуком дворников. Я не узнавала город, готовящийся к Новому году. Серые здания, малолюдные улицы. Ни рекламных огней, ни светофоров.

– Мы за городом. Еще минут пять, и будем на месте.

Я прислушалась к своим ощущениям.

– Мы точно за городом?

– Да, уже километров десять как.

Нет, ничего не болело, никаких натянутых нитей, давящих узлов. Я искоса посмотрела на Константина. Серьезен, внимательно смотрит на дорогу, где снег валит густой пеленой.

– Давно ты живешь в нашем доме?

– Около месяца.

Нет, не подходит. Болезненные узы я чувствую уже больше года. Да и быть моим суженым–ряженым Костя не может. Он человек, а узы – магические. Наверное, моя внезапная влюбленность в соседа заглушает все прочие эмоции. Более свежие чувства ложатся на старые, делая их менее острыми.

Украшенный мишурой спортивный зал в детском доме разительно отличался от уютного зала частного садика: меньшего размера елка, больше ручных поделок, передаваемые из поколения в поколение новогодние костюмы. Меня поразили детские глаза. Нет, в этих тоже светился восторг, но он был каким–то голодным, словно новогодними ощущениями дети хотели насытиться впрок, чтобы жить ими до следующего праздника. Когда я взяла мальчика–зайчика за руку, меня прострелило болью. Мишка тоже оказался покалеченным. Я раздавала подарки, и каждое прикосновение к снежинкам, петушкам, мышкам кололо, резало, кромсало душу.

– Снегурочка, приходи к нам еще! – кричали дети, стараясь дотянуться до меня, обнять, прижаться, просто потрогать. Дети жаждали чуда, которого в их жизни было так мало.

Чем я могла им помочь? Маму и папу не вернешь по мановению руки, я и сама росла сиротой при живых родителях, но у меня была хотя бы бабушка.

И я решила. Заберу у каждого ребенка его затаенную боль, сделаю счастливым хотя бы до Рождества.

– Кто хочет поцелуя Снегурочки? Подходите по одному!

Я крепко обнимала каждого, целовала в щеку и отпускала с обещанием вернуться на следующий год. В конце я уже ничего не видела от слез. Боль переполняла меня.

Детей увели спать, а меня, словно немощную старуху, потащил на себе Костя.

– Что с тобой? – тревога в голосе была неподдельной.

– Останови у обочины и отвернись.

Я вылезла из машины и наклонилась над канавой. Меня рвало черным. Я захлебывалась слезами и соплями. Кашляла. Кидала за спину косу, но она упорно возвращалась назад.

Я вздрогнула, когда мужская рука поймала ее. Дернулась, замахала руками, не в силах произнести, чтобы он ушел, но Костя остался. Он стоял рядом, сбросив шапку и бороду на сиденье, прижимая меня к себе, чтобы не упала, вытирал носовым платком мой черный рот, когда очередной позыв, ломающий пополам, проходил.

– В больницу?

Отдышавшись, покачала головой.

– Нет. Со мной случается. Нервы. Сладкого чая бы. И ванну горячей воды, – зубы отстукивали морзянку.

Идти я не могла. Костя нес меня на руках, сам нашел ключи в снегуркиной торбе, раздел тут же в ванной, пока набиралась вода. Я не стеснялась нагого тела, я просто забыла, что это может быть стыдным.

Убедившись, что я не пойду ко дну, Костя метнулся на

кухню, и вскоре оттуда донесся свист чайника.

Я глотала сладкий чай, и слезы текли по моим щекам. Нельзя не плакать, когда ты чувствуешь предательство, как чувствует его ребенок, которого сдала в детский дом пьющая мать или которого насильно забрали у неблагополучных родителей. Но больше всего меня поразила слепая любовь детей. Они, несмотря ни на что, любили своих непутевых мам и пап, жалели их и верили, что когда-нибудь все наладится, и они опять будут вместе.

Утром мы проснулись в одной кровати.

– Как ты? – спросил Костя, заметив, что я открыла глаза.

– Уже хорошо. Прости, что тебе пришлось возиться со мной. Мне так неудобно.

– Ничего, в жизни всякое случается, – Костя опустил глаза. Он хотел чего-то спросить, но не решался. Только в волнении накручивал кончик моей косы на палец.

Косы? Вот черт! Как же я забыла навести морок? Ведь все мое преобразование из короткостриженной черноглазой девицы в Снегурку строилось на том, что я якобы надела парик с косой. Как теперь объяснить отросшие вдруг волосы?

Но его слова обескуражили еще больше.

– Мне нестерпимо хочется тебя поцеловать. Давно.

– Нет, – как ни горько было произносить эти слова, но пришлось. Если бы Константин не был человеком! Но целовать того, кто тебе безумно нравится, кто не отвернулся, не поморщился, пришел на помощь, я не могла. Отнять даже

минуту его драгоценной жизни было выше моих сил. – Прости, но я не люблю тебя.

Я встала с кровати, потянув за собой простыню, которой прикрывала тело.

– Одевайся и уходи. Между нами ничего нет и быть не может. Я люблю другого, – по сути, я не лгала. Был же этот другой, суженый–ряженный, что приходил ко мне во снах. Вот выгоню Костю, отревусь белугой, и опять мой неведомый жених вернется, а вместе с ним и ощущение безграничного счастья.

Но легче не стало. Ни в этот день, ни на следующий, ни через неделю. Ни когда за спиной остались новогодние праздники, проведенные в одиночестве.

Приближалось Рождество, а душевная тоска не отпускала. Суженый–ряженный не показывался, во снах ко мне приходил только Константин и тихо спрашивал: «Можно я тебя поцелую?». Я просыпалась в слезах и тосковала по соседу, который у себя в квартире больше не появлялся. Мои паучьи маячки работали исправно, но сигнала не подавали.

А я изводилась вопросами. С кем Костя колесит на своем джипе? Продолжает ли выступать на утренниках или проводит время в веселой компании?

Что делать в городе, когда грядет Рождество и каждый спешит провести праздник с семьей? Опять сидеть в пустой квартире и лить слезы? Нет, нужно ехать к своей семье. И, взяв билет, я села в автобус, который повез меня к бабушке.

Жаль, что раньше я не додумалась навеститься в лес. Только родной душе я могла бы открыться, спросить совета. Знаю, она будет ругать меня, скорее всего даже выгонит, как когда-то маму, и будет за что. Я тоже решила обрезать волосы. Пусть во мне колдовская сила исчезнет. Я стану простым человеком, который сможет любить, кого хочет, целовать, кого пожелает. Меня внезапно озарило, почему мама отрезала волосы. Она полюбила человека!

Опять заняло в груди. Автобус выехал за город. Боль расплзлась по телу, требуя поворота назад. Ничего, я потерплю. Скоро все закончится, и этот неизвестный суженый-ряженый потеряет ко мне интерес. Съезжу к маме. Влюблюсь, не оглядываясь на то, человек мой избранник или нет. Бабушку жалко. Ей некому будет передать свои владения. Род Себяжских ведьм угаснет.

– Нет, нет и нет! – топнула ногой бабушка. – Ишь, чего удумала! Влюбилась! А ты его хорошо знаешь? Он-то тебя любит? Чего молчишь? Ты провела с ним всего один день и уже с магией расстаться собралась?

– Не в нем дело, бабушка. Я поняла, что значит любить. Я без этой окаянной любви жить не смогу.

Мы с бабушкой сидели за столом в одних ночных рубашках, распустив по плечам подсыхающие волосы, и пили духмяный чай после хорошей баньки. В лесу оно как? Сначала баня, а потом все разговоры. В горнице густо пахло хвоей. В углу в кадке стояла наряженная старинными игрушками

небольшая ель. Пройдет Рождество, и ее вернут в лес.

– Эх, девка, замуж тебе надо, сразу вся дурь выйдет, – бабушка резко отодвинула от себя стакан, и чайная ложка в нем жалобно звякнула. Нащупав ногами тапки, она пошаркала к трюмо, где взяла шпильки. Зажав их в зубах, энергично скрутила волосы на затылке и начала втыкать в них шпильки одну за одной, продолжая при этом разговаривать, отчего ее речь потеряла внятность. – Сговорилась бы с лесовиком или с молодым водяным, что тоже хорош собой, а по весне свадебку бы сыграли. А?

Сильная боль скрутила мое тело. Я хватала ртом воздух, а бабушка, пристроившись на другой стороне стола, подложила руку под щеку и внимательно так наблюдала за моими мучениями.

– И давно это с тобой, внученька? – дождалась она, когда боль отпустит.

Я молчала, не зная, что ответить. Обсуждать глупые сны и мою веру в суженого–ряженого? А вдруг это всего лишь игры разума в преддверии двадцатилетия? Я выросла, мои душа и тело хотели любви, вот мозг и реагировал, насылая то боль, то сны, полные томления.

– Все в порядке, бабушка. Съела, видать, чего несвежего.

– Ты мне не юли! – бабушка погрозила пальцем. – Сны любовные видишь?

Я кивнула.

– А когда возвращаешься в город, боль отступает?

– Да. Откуда ты, бабушка, знаешь?

– Приглядел тебя кто–то из наших. Да не чета лесовикам и домовым. Кто–то из князей будет.

– Демон?

– Почему сразу демон? Их полно таких, кто из высшей нечисти. И никуда тебе от него не деться. Он выжидает, когда ты в самую силу войдешь.

– Вот косу отрежу и стану ему ненужной! – запальчиво возразила я. Какой еще князь?

– Хм, такой и убить может. Князьям отказывать нельзя.

– Ой, что–то мне страшно, бабушка.

– Пока глупостей не наделаешь, бояться нечего, – бабушка покачала головой, вставая проверить печку, где в жаркодышащей глубине что–то бурлило.

– Так я не за себя боюсь. За Костю.

– А расскажи–ка мне, внученька, об этом молодце поподробнее, – поворошив угли, бабушка выпрямилась, внимательно взглянув на меня. – Уж больно быстро ты в него влюбилась. Нет ли здесь колдовства?

– Да нет, бабуля, – я отмахнулась. – Он в нашем доме месяц как поселился, со мной знаком и того меньше. А сны о суженом–ряженом я уже больше года вижу.

– Ну и что! А в городе он давно?

– Да вроде в театральном учится.

Но припомнив разговор, я нахмурилась. Ведь на мой вопрос Костя так и не ответил. И во снах только он являлся,

прежнее неясное видение не повторялось. И когда за город вместе с ним выехала, боль тянущая так и не появилась.

– Нет, бабушка, не может он быть князем! – запротестовала я, пытаюсь прогнать смутное беспокойство, зародившееся от ее слов. – Когда меня рвало, он не побрезговал, рядом стоял, косу держал. Она все время вперед падала.

– Так скинула бы парик.

– Я не в парике была, в своем истинном облике. Так я на Снегурочку больше походила.

– Так и есть! – бабушка хлопнула ладонью по столу. – Костя твой – князь!

– Ба, с чего ты взяла?

– Был бы человек, удивился бы. Сначала ты стриженная, потом вдруг с косой ниже пояса. А этот и глазом не моргнул. А все почему?

– Морок на нечисть не действует...

– То–то и оно, внушенька. Костя с первого дня видел высокую девицу с косой.

– А как бы поточнее узнать? – я аж подпрыгивала на месте от нетерпения. Неужели все мои мечты самым лучшим образом сбудутся?

– Ишь, коза какая! И глазки загорелись, и разулыбалась вся! Небось и косу погодишь обрезать?

– Если Костя – князь, то точно погожу! Ах, бабушка, сердце–то как бьется! Вот–вот выпрыгнет!

– И не боишься, что он колдовством на тебя подействовал

и скорую любовь вызвал?

– Какая уж скорая? Целый год по суженому–ряженому чахну. Ба, сегодня же сочельник! Давай погадаем!

– А давай! – глаза у бабушки засветились восторгом, словно я заразила ее ожиданием чуда. Она потянулась к коробке, в которой хранила ключи от ворот и от дома. – Баловство–не баловство, а чем мы, Себяжские ведьмы, хуже деревенских баб?

– Пойдем башмаки за ворота кидать? – я глянула на свои сапоги, жавшиеся в сенях к бабушкиным валенкам.

– Постой, Вася, так ты и мне жениха накличешь. Мы лучше для твоего суженого–ряженого силки расставим. В какие–нибудь да попадетсЯ.

Бабушка вытрясла ключи из коробки, после накинула на плечи пуховую шаль, сунула ноги в валенки и вышла за дверь. А я побежала к окну. Через разукрашенное морозом стекло я разглядела, как бабушка, смахнув снег, выложила на подоконник разные ключи, среди которых были и такие, что вовсе замка не имели.

– Суженый–ряженный приходи невестушку отпирать, из неволи выручать, – пропела она тоненьким голосом.

– Так и будем через стекло любоваться, как он ключи к дому подбирает? – уточнила я, наблюдая, как бабушка в сенях веником стряхивает снег с валенок.

– Зачем? – удивилась она. – У нас с тобой других дел полно. Снимай со стены зеркало, пойдем в баньку. Аккурат

стрелка к двенадцати подбирается.

В теплой бане, куда открывалась дверь из сеней, бабушка поставила одно зеркало против другого, зажгла пару свечей по краям, повертела тем, что держала в руках.

– Видишь длинный коридор? – зашептала она, и от ее шепота по моей спине пошел мороз. – Смотри туда внимательно. Глаз не отводи. И не дергайся, спугнешь.

В доме кукушка на ходиках прокуковала двенадцать. Я смотрела в зеркальный коридор с замиранием сердца: вот-вот откроется тайна, кто же мой суженый–ряженный. От усердия глаза увлажнились, и, смаргивая слезу, я пропустила момент, когда в конце тоннеля, освещенного огнями, появилась быстро увеличивающаяся в размерах точка.

В бане стояла такая тишина, что я могла услышать собственное дыхание, к которому вскоре примешался еще какой–то размеренный стук, доносящийся прямо из зеркала. От страха я схватила бабушку за руку, и она, успокаивая, погладила мои пальцы. Но все мое внимание было устремлено на силуэт существа, стремительно приближающегося к нам. Еще несколько шагов и я смогла различить высокого мужчину в черной одежде с серебристой тростью в руке, чей стук о стеклянный пол становился все громче.

Мы с бабушкой перестали дышать.

– Ба, он же старый! – вырвалось у меня, когда я увидела седину и глубокие морщины на лице худого мужчины.

Мой мир рухнул. Это был не Костя.

С тоской я подумала о том, что зря оставила ножницы в горенке. Резанула бы косу прямо сейчас.

– Ну привет, Яга! – произнес старик, протискиваясь между зеркалами. – Свечу задуй, фалды моего смокинга подпалишь.

Мы оказались в крошечной темноте. Бабушка отпустила мою руку, и я услышала, как чертыхается призванный нами гость.

– Да включите, наконец, свет! – рявкнул он, смахивая в темноте корыто со стены.

При тусклом свете лампы старик смотрелся не лучше. Я обернулась на бабушку, стоящую у двери. Она приглаживала и без того гладкие волосы дрожащей рукой.

– И тебе привет, Кощеюшка, – нараспев произнесла она. Бледное лицо, растерянный взгляд. Что это с ней? Отродясь бабушка перед нечестью не терялась.

– Ну, познакомь меня, Варвара, с будущей невестой, – старик повернул голову в мою сторону. И мне стали хорошо видны его орлиный нос, кустистые брови, острый взгляд и тонкие обескровленные губы.

– А кто сам жених–то? – бабушка встала между нами, пытаясь оттеснить меня к двери.

– Ох, Варя. Чего ты себе напридумывала? Я женат давно и... счастливо.

Он как–то вяло произнес последнее слово, но не на нем у меня случился вздох облегчения. Старик женат! Значит, не

он мой жених!

– А чего тогда явился?

– Сына поддержать. Зная тебя, мне страшно мальчика одного в лес отправлять.

– Кто мальчик–то? – не выдержала я, чем вызвала кривую улыбку у старика.

– А ты пойди посмотри. Он с полчаса уже ключи к вашему замку подбирает.

Я, как была простоволосая, в шерстяных бабушкиных носках, в одной ночной рубашке, кинулась к двери, что вела на улицу. Распахнув ее настежь, сбила кого–то, стоящего согнувшись с ключами в руках. И теперь этот кто–то приземлился на снег, кубарем скатившись с высокого крыльца.

– Варварушка, она вся в тебя, – услышала я за спиной скрипучий смех старика.

– Валенки надень, Вася, – донеслось сзади, но я не чувствовала холода. У крыльца, раскинув руки, лежал мой Костя. Я его сразу узнала. Мне такая его поза очень даже знакома. Я встала на колени у распростертого тела и наклонилась, чтобы рассмотреть, сильно ли я его приложила, но пробивающийся через дверь свет не позволил увидеть масштаб разрушения.

– Надо бы его в дом занести, – мои слезы капали на лицо поверженного.

– Сначала поцелуй, – отозвался он. – Да не в лоб, глупая. В губы целуй. Сколько просить можно?

– Расскажи–ка лучше, княже, почему ты мне продыху не давал, когда я из города уезжала?

– Ревновал, – он сел. В его глазах полыхали звезды. – Хотел, чтобы не задерживалась. Вернулась до вечерней зари.

– Вот ты чудище сказочное, – стукнула я его легонько по плечу. – Теперь, надеюсь, ничего болеть не будет?

– Теперь не будет.

Перед моим носом появилось кольцо с красным камнем.

– Ах, вот ты какой цветочек аленький, – прошептала я, любуясь красивым колечком.

– Я люблю тебя, Василиса. Выйдешь за меня замуж?

В жизни всякое бывает, правильно заметил Костя. Кто–то на колено встает и руку лобызает, прежде чем кольцо надеть, кто–то его в пирожное засовывает и глаз с него не спускает, чтобы дама без зубов не осталась, а кто–то, как мой князюшка, сидя на снегу и кольцо надел, и в любви признался. А что? Я не против. И крикнула свое «да» так громко, что в лесу с деревьев снег поосыпался. С праздником, мои дорогие!